

Р.Н. Шимко

Аристократический анархизм Л.Н. Толстого

Как великий писатель Лев Николаевич Толстой (1829–1910) известен в мировом масштабе. Проблема в том, что у нас Л.Н. Толстой изучается преимущественно как автор многочисленных художественных произведений, в том числе эпоса «Война и мир», психологической прозы «Анна Каренина», исторической прозы «Севастопольские рассказы», философских эссе «Исповедь», «Я верю» и т.д. Намного слабее отечественное толстоведение рассматривает и оценивает политические идеи великого национального мыслителя. Малоизвестен в России Л.Н. Толстой прежде всего как основатель особой идеологии – «толстовства», хотя она содержит достаточно серьезный духовно-политический потенциал.

Данная идеология могла бы, при определенных благоприятных условиях, претендовать на ведущую, доминирующую роль в национальной, общественной жизни, могла даже стать господствующей идеологией некоего гипотетического «национального» государства, которое бы отрицало прежнюю систему имперской антинациональной государственности. Доказательством в пользу альтернативности «толстовства» может служить реализация в национально-политическом процессе похожей, во многом аналогической идеологии – «гандизма» в Индии. Хотя, помимо сходства России и Индии, есть и коренные отличия цивилизационного, ментального уровня, тем не менее М. Ганди – последователь, «ученик» Л.Н. Толстого, который сумел гораздо сильнее повлиять на ход истории в своей стране.

Во многом Л.Н. Толстому было труднее как «первооткрывателю». Многим современникам Льва Николаевича его политическая и общественная деятельность, особенно на раннем этапе, представлялась болезненной и неестественной, своего рода самоотречением от великого прошлого [1, с. 166–168].

Вообще многие дореволюционные авторы, связанные, как правило, с правительственными и церковными кругами, искусственно разделяли Л.Н. Толстого-литератора и Л.Н. Толстого-мыслителя [2, с. 4–5]. Многие русские авторы, среди них Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Ф.А. Степун, В.В. Зеньковский, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский и другие, интересо-

вались творчеством о Л.Н. Толстого как до революции, так и после нее. Но все же большинство авторов политические идеи национально-го мыслителя затрагивали больше фрагментарно.

Сложнее всего историография отечественного «толстовства» в советский период. В.И. Ленин и А.В. Луначарский характеризовали толстовские идеи как реакционные, так как они выражают на идеологическом уровне «патриархальные предрассудки» русского крестьянства добуржуазной, феодальной эпохи. При этом они характеризовали Л.Н. Толстого как «мужиковствующего барина», невысоко оценивая его идеологию и его самого как мыслителя [3, с. 72–73]. Естественно, что исследователи советского периода были неизбежно связаны этой точкой зрения, что негативно сказывалось на объективности их оценок.

Степень утопичности (хотя всякая идеология утопична, поскольку по определению состоит из идеалов-фикций, несуществующих, нереальных проектных моделей, умозрительных «вещей в себе», точнее сказать, реализуемости и значимости для мировой политической культуры) идей Л.Н. Толстого должным образом не исследовано.

Идеология Л.Н. Толстого интересна не сама по себе, а как разновидность русского народничества наряду с идеологиями М.А. Бакунина, А.И. Герцена, П.Л. Лаврова и др. Толстовская модификация народнической идеологии есть одновременно и вариант «русской идеи», т.е. общенациональной идеологии. С одной стороны, толстовство противостоит европоцентризму (модернизму), с другой стороны – марксистскому, западному революционизму.

Безусловно, происхождение «толстовства» сложно. Это не просто великий уничижительный поворот в сторону крестьянства. Это скорее понимание места истинной аристократии в национальной жизни страны как части русского народа без унижения и народопоклонства, преодоление «холопского комплекса» части дворянства, олицетворяющего свое могущество и благополучие с государственно-бюрократическим аппаратом. Настоящая аристократия в лице Л.Н. Толстого и других изживает комплекс бывшего холопа государя-государства и стремится к независимости, личному

достоинству, но не одна, не сама по себе, а вместе с угнетенной частью общества (крестьянство, мещанство, протобуржуазия).

Представляется необходимым выяснить политический смысл и определить социально-генетическую природу учения Л.Н. Толстого уже с современных позиций.

Несмотря на то, что Л.Н. Толстой выходец из аристократии, в литературе распространено мнение, согласно которому он негативно относился к этой части общества [4, с. 519]. Л.Н. Толстой, действительно, писал против аристократии [5, т. 4, с. 23]. Однако следует иметь в виду, что у Л.Н. Толстого было неоднозначное понимание аристократии. Истинная аристократия (власть лучших) вызывала симпатии русского писателя. В своем любимом, знаменитом произведении «Анна Каренина» устами своего литературного героя Константина Левина, которого он писал с себя, Л.Н. Толстой уточняет: «Я считаю аристократом себя и людей, подобных мне, которые в прошедшем могут указать на три-четыре честные поколения семей, находившиеся на высшей степени образования (дарованье и ум – это другое дело), и которые никогда ни перед кем не подличали, никогда ни в ком не нуждались, как жили мой отец, мой дед. И я знаю таких ... Мы аристократы, а не те, которые могут существовать только подачками от сильных мира сего, кого можно купить за двугривенный» [6, с. 188].

Истинная аристократия не должна пресмыкаться перед властью, хорошо понимая нужды и стремления народа. Лев Толстой уважал и ценил декабристов, лучших представителей национальной элиты. Сам эпос «Война и мир» в первоначальном варианте был задуман как роман «Декабристы». В 1860 г. Л.Н. Толстой встретился во Флоренции с освобожденным из ссылки в 1856 г. декабристом С.Г. Волконским (аналогия даже по фамилии с князем Андреем Болконским). Как общественное явление декабристы всегда занимали видное место в мировоззрении Л.Н. Толстого. С.А. Толстая писала впоследствии о том, как серьезно исследовал историю декабристов Лев Николаевич: «Он погрузился в чтение материалов, писем, записок, материалов, трудно тогда доставаемых. Не помню, когда именно, он ездил в Петербург, чтобы видеть место заключения декабристов, место, где они были повешены, он искал знакомство с оставшимися декабристами: Свистуновым, Завалишиным, Муравьевым» [7, с. 274]. «Декабрист мой, – сообщал Л.Н. Толстой А.И. Герцену о своих замыслах в письме

от 14 марта 1861 г., – должен быть энтузиаст, мистик, христианин» [5, т. 17, с. 274].

Вообще связь мировоззрения Толстого с идеалами декабристов мало исследована. Мысли Л.Н. Толстого о невозможности насильем приводить людей к счастью, о силе идей и личного примера, о необходимости иметь в себе сильную религиозность можно встретить у многих декабристов, которых, как и Толстого, мучили сомнения в правильности позиции ненасилия, когда правительство и высшие церковные иерархи оправдывали рабство и произвол [8, с. 71; 9, с. 242].

Рассматривая идеологию Л.Н. Толстого, трудно заметить в ней наличие аристократических черт. Л.Н. Толстой верил в силу нравственного примера, ему был присущ крайний антиэтатизм и персонцентризм, неприятие любых учреждений, «опекающих» личность. Толстой любил народ, но ему чуждо народническое-разночинское «покаяние» перед народом, стремление «вернуть долги», «хождение в народ» [10, с. 350, 542]. Истинной аристократии, такой, какой была основная часть декабристов, Константин Левин, Андрей Болконский и другие, по существу не в чем было каяться. Они и есть народ, высший слой русского народа, и с народом легко сближаются в общем деле, в общем труде, не чувствуя унижения. Достаточно внимательно прочитать начало третьей главы «Анны Карениной», чтобы убедиться в этом. Левин трудится вместе с крестьянами на сенокосе, мужики ходят к нему за советом, пользуясь его грамотностью. Субъективно Левин сам считает себя частью народа [6, с. 261].

Л.Н. Толстой видел в аристократии прежде всего концентрированный, духовный опыт личного достоинства многих поколений и желал бы, чтобы все люди стали в этом смысле аристократами. По мнению Л.Н. Толстого, человеческий прогресс состоит в увеличении количества нравственных личностей. Толстой верит в силу личности, а не учреждений: «Несомнен прогресс человечества один – в области духовной, – писал он, – в совершенствовании каждого человека. И человек должен совершенствовать только себя одного, а не других людей государственными реформами ... Количество причин, влияющих на движение человечества огромно, и эти причины очень сложны, так что ничего нельзя предсказать, и смешно приписывать известной внешней реформе важное влияние на движение человечества» [11, с. 53].

Человек совершенствует себя, приходя на помощь ближнему и дальнему. Л.Н. Толстой

говорит о социальной силе чувства человечности [4, с. 207]. Человек способен медленно, но верно меняться сам и преобразовывать окружающую общественную среду, у него обязательно найдутся единомышленники и союзники в нравственном служении гуманистическим идеалам добра и свободы.

В современных условиях взгляды Л.Н. Толстого не представляются такими уж утопичными. Социальная значимость личного примера таких людей, как А.И. Солженицын, А.Н. Сахаров, М. Ганди, доказывает, что деятельность одного человека, если он действует в нравственном направлении, может иметь положительные результаты без насильственных потрясений.

Актуальным представляется сегодня и критика Л.Н. Толстым тех общественных деятелей, которые уповают лишь на результативность реформ «сверху», критика необходимости государственного вмешательства в общественную и личную жизнь граждан, критика недостатков буржуазного конституционного строя.

Определяя идеологическую сущность «толстовства», следует, по-видимому, характеризовать данное учение как особую разновидность (модификацию) русского народничества. Это все же главное в персональной идеологии Л.Н. Толстого, а не анархизм, потому что русский анархизм сильно отличается от сходных политических учений Западной Европы и США. Классический вариант западноевропейского анархизма выражает идеологически позиции большинства буржуазного общества – так называемого среднего класса. Представители этого направления выступают против господства правящей верхушки – олигархии, свя-

занной с крупным монополистическим капиталом, склонным к антидемократическим методам осуществления своей власти. Анархисты Запада – это, по сути, радикальные демократы и крайние либералы, не более того, но и не менее.

В нашем случае русский анархизм – продукт интеллектуальной и социально-философской рефлексии совсем другой общественной группы – национальной аристократии или, вернее, образованного меньшинства господствующего сословия – аристократизированного дворянства (интеллигенции). По сути это есть «отрицание отрицания», т.е. преодоление худшего в капитализме и возрождение лучшего, сохраненного, «снятого» из феодальной эпохи (постмодернизм). Именно аристократическое (феодальное) начало способствовало генезису антибуржуазности в их идеологии. Современный кризис прогрессизма делает злободневными, т.е. актуальными духовно-этические заповеди Л.Н. Толстого – постмодернизма. Необходимо еще разбраться в причинах, по которым русские мыслители-народники оказались в «будущем», но за счет «настоящего». Здесь – их слабое звено. Народничество обнаружило проблему: как из патриархальности трансформировать патерналистскую модель взаимоотношений современного типа (как в Японии, например, традиции плюс новации, старина и новизна соединяются в органическом синтезе ценностей), и у нас в России исследование исторического наследия Л.Н. Толстого поможет нам объективно оценить положительные моменты его политического и социально-философского мировоззрения.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 30. Л., 1988.
2. Цертелев Д.М. Нравственная философия графа Л.Н. Толстого. СПб., 1889.
3. Луначарский А.В. Статьи. Доклады. Речи (1928–1933). М., 1967.
4. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1979.
5. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1992.
6. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Фрунзе, 1971.
7. Толстая С.А. Дни и заботы Льва Николаевича. Фрагменты из автобиографических заметок // Неделя. 1910. №370.
8. Тургенев Н.И. Россия и русские Николая Тургенева. М., 1909.
9. Толстая С.А. Дневники. М., 1932.
10. Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. Т. 1. М., 2001.
11. Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. М., 1922.